

ЛАОВАЙ

Виталий Митрофанович Молчанов родился в 1967 году в Баку. Окончил Московскую академию нефти и газа. Служил в армии. Печатался в «Литературной газете», в журналах «Дети Ра», «День и Ночь», альманахах «Лёд и пламень», «Паровозъ», «Гостинный Двор», «Башня», «Чаша круговая», в «Антологии русской поэзии XXI века» и др. Лауреат региональной литературной премии им. П. И. Рычкова (2014, 2020), премии им. С. Т. Аксакова (2014), премии «Оренбургская лира» (2014), Международного литературного конкурса им. А. И. Куприна (2016), Всероссийской премии им. Д. Н. Мамина-Сибиряка (2016), Волошинской премии (2016), победитель конкурса исторической поэзии «Словенское поле» (2018). Председатель Оренбургского регионального отделения Союза российских писателей, директор Оренбургского областного Дома литераторов им. С. Т. Аксакова.

Профессору Джоу Лу

Рыбы в пруду распевают
декабрьские песни,
Птицы молчат —
пузыри на поверхности редки.
В садике старом спокойно,
нешумно и тесно,
Мостиков узких касаются
гибкие ветки.
Красного клёна топырятся
острые пальцы:
«Здравствуйте, добрые люди,
среди зелени дивной
Я затерялся один».
Телефоны китайцев
Щёлкают кадры за кадром
почти непрерывно.
Вход, на замочную скважину
очень похожий,
Радостно встретит гостей,
мол, прошу вас до фанзы.
Словно ключи, мы подходим,
проходим... Тяжёлые ноши
Лучше оставить у входа,
и собраны в стансы
Клумбы-красавицы —
строфы разнятся по смыслу,
Девять растений на каждой,
срифмованной раньше.

Камни дырявы, причудливы,
крепко я стисну
Тёплый юань и швырну его
в воду подальше.
Женщина в платье затейливом,
сакуры цветом,
Томно позирует мастеру
с камерой длинной —
Видно, вчера из Хубэя.
В Ханчжоу, как летом,
Песня декабрьская рыб сонной
глушится глиной,
Птицы молчат —
отразиться не могут на ряби.
К плюсам курортным прибавив
значительный минус,
Через неделю развернутся
водные хляби,
А через две —
смертоносный появится вирус.

Над озером Сиху* парит
воздушный змей,
То выше к облакам,
то ниже к водной глади
Дыханьем грозовым несёт
его Борей.
Как «ветер» по-китайски будет,
кстати?
Змей красный, словно флаг,
с каймою золотой,
Пред ним упали ниц
тоскующие ивы,
И чайные кусты прощаются
с росой,
Лишь ветер просвистит
привычные мотивы.
Ладони волн влекут к зелёным
островам
Забывшие про руль
стремительные джонки,

К подножию горы прильнул
буддийский храм,
В прохладе и тиши перебирает
чётки.
И воздух густ и свеж,
как зимняя слеза,
Упавшая на грудь невесты
в красном платье,
Когда любить нельзя
и не любить нельзя,
И ветра холодны разлучные
объятья.
Да оборвись же, нить,
пусть улетает змей —
Магнолии вздохнут,
вновь ивы распрямятся,
Над озером Сиху в один
из лучших дней
Представим — нам с тобой
по восемнадцать.

БЕЛАЯ ЗМЕЯ

Свет прикасается к шёлку,
пальцы — к струнам гучжэна:
Пение птиц без умолку,
шёпот прибрежной пены,
Боль родниковая —
воду режут придонные камни,
Ветры, почуя свободу,
бьют кулаками в ставни.
Дождь шелестит советы тиграм
на крыше фанзы,
И оживают легенды:
пляшут древние танцы
Снова с шестью героям,
так на исходе лета
За поднебесной травой змеи
летят и поэты.

В городе славном Ханчжоу,
южной столице чая,
Рады торговцу чужому,
фальши не замечая.

* Западное озеро, г. Ханчжоу (КНР)

Кольца разложит и серьги.
Круглый, до пят рубаха.
«Бай, ты венец мой примерь-ка!» —
демон кричит Черепаха.

С мужем-красавцем и сыном
шествует Бай по рынку,
Видит, выносит ей чинно
толстый купец новинку.
Золото жарко, обманно,
дразнит его свеченье...
Насухо выжало ману
просто прикосновенье.

Дальше сильнее, страшнее
обруч виски сжимает.
Бедная Бай бледнеет,
в ней человечье тает.
Лишь успевает супругу молвить:
«Вырасти сына...»,
В кольца свивается туго
Белой змеи личина.

Замуровал Черепаха в стену
пагоды змейку.
Дождь прекратился от страха,
не покидает лейку —
Тучу в нежнейшей ладони бога
мудрого Будды:
«Кто же по демонам стонет,
высохли глаз сосуды».

Струны выводят гучжэна
песню долгой разлуки.
Годы — прибойная пена,
памяти волны упруги,
Моря листают страницы
и повторяют сначала
Давних легенд небылицы...
Сына молитва звучала!

Пагоды стену взрыхляя
каждым искренним словом,
Взор к облакам обращая,
Будду молил он снова

Мать отпустить на волю,
к свету поднять из праха...
В битву вступил с судьбою
демон-монах Черепаха.

Матери юной подругой,
верной змейёй Зелёной
Зло было загнано в угол,
плакало обречённо.
Будда разрушил темницу,
Бай отпустил на свободу.
Блиzkих счастливые лица —
камни не режут воду.

Свет прикасается к шёлку,
пальцы — к струнам гучжэна.
Дружба — как с ниткой иголка,
сына любовь нетленна,
Накрепко сшитые вместе
в городе славном Ханчжоу,
Стали героями песни,
ясной даже чужому.

ИЕРОГЛИФЫ

Влагой озёрной рисует рука
старика,
Брюки повисли мешком
на застиранной лямке.
Кистью малярной выводится
чётко строка,
Столбик, вернее... Вот лямбда
в соломенной шляпке.

Ниже два ёжика на тротуарной
плите,
Или расчёски — я вам ни за что
не отвечу.
Ну а под ними в наивной своей
простоте
Тщетно в окошко прохожий
тщётит человек.

В банку нырнёт каллиграф
рабочая кисть,
Выпьёт воды ровно в меру,
ни капельки лишней.
Это стихами китайская пишется
жизнь,
Это народная песня —
то громче, то тише.

Мир иероглифов сложен,
его не понять
Не замечающим счастья
рождения риса.
Древний Китай вместе с новым —
как с дочерью мать:
Сделай по-своему, но потакай
и капризам.

Сумерки скроют от взглядов
моих старика,
Высохнет надпись, но мысль
не теряется втуне.
Вновь оживёт на бумажной
странице строка,
Столбик, вернее...
Сказанье о Мао Цзэдуне.

ГОУ И МАО*

Жизнь, конечно, штука злая,
Чаще — будни, реже — шоу.
В тихом садике Шанхая
Ближе к мао жмётся гоу.

Тут кустов сплошные дебри
И густой травы немало,
Животом сминая стебли,
Рядом с гоу ляжет мао.

Небоскрёбов тьма в Шанхае,
И людей полно в столице.
Гоу хочет, но не лает,
Мао мявкать вслух боится.

Только были, раз — и нет их,
Лишь цветочки — влево-вправо
Покачнутся, спрячут бедных.
— Где ты, гоу? Где ты, мао?

Жизнь пошла бы по-другому,
Был бы дом, тепло и сыто...
Ни для мао, ни для гоу
В счастье дверца не закрыта.

В садике сверну с дороги,
Шёпотом скажу: «Нихао», —
Разверну припасов крохи:
«Кушай, гоу, кушай, мао!»

ЛАОВАЙ**

Ты декабрьским солнцем обуян,
Лаовай, упавший в гаолян,
Персонаж немислимых историй.
Двадцать с плюсом в сорговой
дали,
И в резных драконах корабли —
Облака над старой бронзой
моря.

Розы не завяли на кустах,
Лотосам в озёрных вязких снах
Снится август:
зной, пора цветенья.
Персиков упругая листва
Отливает блеском колдовства,
Словно птицы райской оперенье.

* Собака и кошка (с китайского)

** (может быть пренебрежительным
понятием) иностранец

Выше пагод небоскрёбов лёт,
Лаовай, он разве разберёт,
Где земля, где воздух?.. Всё
едино.
К звёздам вырывается Китай,
С молоком смешав зелёный чай
Для потомка злого хунвейбина.

Время пьёт печаль из чашки сна,
Прошлое — прекрасная весна
Возрожденья древнего народа.
Лаовай, упавший в гаолян,
Завистью декабрьской обуян:
— Нам бы так...
Идём, не зная брода.

Пусть в резных драконах облака
Не для нас, мой друг,
плывут пока
Над полями ярче изумруда.
В будущее шествует Китай,
Возвращайся к снегу, лаовай,
Вслед помашет красным
флагом Будда.

ЦЯНЬ ЛЮ*

Жизнь человека подобна
летающей стреле —
Выси достигнув, стремительно
падает наземь
Цель поразить иль в бамбуковом
гладком стволе
Прочно застрять, ни героем
не став и ни князем.

Вот наш удел...Верный сторож
могилы Цянь Лю
Тысячелетье скрывает преданья
и тайны,
Каменный тигр —
я по лапам тебя узнаю —
С мордой раскрошенной,
вечно и первый и крайний.
Помнит Линьбань** князя
мудрого сказочный лик,
Намертво вписанный в твёрдую
книгу скульптуры.
Земли собравший, сверкнувший
как солнечный блик
В шлеме, скрывающем редкую
прядь шевелюры,
Страшным родился, спасён был
от гнева отца
Бабушкой доброй у самого края
колодца...
Взмыла стрела —
боевое искусство мальчика
Выросло в славу героя, вождя,
полководца.
Людям простым посвятивший
заботы свои,
Щедрый к талантам, не знавший
родительской ласки,
Ты, о Цянь Лю, с честью
выигравший сталью бои,
Мог стать царём, но не стал,
словно русский Пожарский.
Каменный тигр у могилы
священной один
Память хранит от забвенья
безжалостной лапой.
Знаешь, потомок Цянь Лю —
КНР гражданин —
Был на излёте китайского
космоса папой.

* первый правитель государства Уюе
периода пяти династий и десяти царств

** район г. Ханчжоу (КНР)

ЗОЛОТОЙ БЫК

Быль или небыль?.. Совсем
не секрет— вымысел краше!
Я под водой разглядел чёткий
след, словно бы в чаше
Ложечкой кто-то до дна
исчертил тонкие стенки...
Сел отдохнуть от звенящих мобил,
плащ — на коленке.
Любят китайцы легенды варить,
с правдой мешая.
Так можно съесть их, а можно
запить мудростью чая:
В грунт погрузивший под толщею
вод крепкие ноги,
Бурую тину неспешно жуёт бык
златобокий.
Помнит Сиху*, как пришёл он,
топча тысячелетья,
И с головой погрузился на дно...
Только не медью —
Шкурой червонной для жадных
блеснул — золотом чистым,
С этой поры, как бы ветер
ни дул, множились числа
Дней ожидания, а с ними и лет...
Бык незаметен,
Он из воды не выходит на свет
долгий век третий...
Вызвал коварный правитель
земли свору министров,
Воду озёрную, чтоб отвели
тайно и быстро,
Нужно быка драгоценного сдать
на переплавку...
... озеро стало мелеть, засыхать,
скоро канавкой

Юга жемчужина волею злой
вдруг обернётся.
Бык золотой, возвышаясь горой —
яркой, как солнце,
Ноздри раздул, напрягая живот —
чрево купели,
Тонны воды сквозь распыленный
рот вмиг полетели,
Смыли правителя вместе
с ворьём в дальние дали!
Больше печаль золотым
кораблём к нам не причалит...
Быль или небыль?.. Совсем
не секрет— вымысел краше!
Ивы погладив, мальчишка-рассвет
в утренней саже,
Горсточкой полной волну
зачерпнул — хочет умыться.
Я чуть с причала тогда
не нырнул — рог золотится,
Жаром горят, беспощадно слепя,
морда и шея.
Глазом кося, бык пошёл на меня...
Плащ я посеял.

Солнце смахнёт паутину тумана
Жёлтой ладонью в озёрную
воду.
Новый Китай просыпается рано,
Вместе со старым спешит
на работу.

Пашет на диво и лопают вдоволь —
Люда простого улыбочивы лица.
Там, где вчера было голое поле,
Чай зеленеет и рис колосится.

*Западное озеро, г. Ханчжоу (КНР)

Ветки метро — молодые лианы,
Брошены вдаль за шоссеиные рамки.
Рядом воздвигнут дома-великаны,
Садики, школы, больницы и парки.

Цапля большая подъёмного крана
Выловит груза бетонную рыбку...
Новый Китай — беспокойная прана
Вместе со старым сознанием гибким.

Только бы солнцу смахнуть паутину
Лени вселенской в забвения воду.
Старыми красками пишет картину
Новый Китай поколениям в угоду.

Видео снова в глазах из Уханя:
Вирус повержен и сорваны маски.
Старый Китай новым полон дыханьем,
Новый — поверил в старинные сказки.